

БРЕСТСКАЯ УНИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

И. А. Грищенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В истории ВКЛ XVI век называют «золотым веком», а между тем это было время тревожное, трагическое, ознаменовавшее эпоху идейного брожения. Религиозные войны, казацкие восстания – логический исход культурной, этно-конфессиональной встречи Востока и Запада. Создание униатской церкви в белорусской, украинской и польской историографии расценивается неоднозначно, поскольку сама уния крайне противоречива в своей основе. Это не было попыткой истинного сближения православных и католиков, о чем свидетельствует тот факт, что иезуит А. Поссевин, после посещения Москвы докладывает римскому папе: «Поелику вера Московского государства, прежде всего, зависит от той части России, которая ныне под державою польского короля, то весьма бы способствовало к обращению Московского народа, если бы епископы и владыки королевской оной России присоединились к католической церкви» [1, с. 25]. Уния папским престолом рассматривалась исключительно как способ окатоличивания восточных схизматиков, а вовсе не как акт восстановления единства христианской церкви. Так было с Флорентийской унией 1439 г., после которой польский король Казимир пишет папе Павлу II, что в ВКЛ обитает множество схизматиков и еретиков, число которых растет, и он просит прислать монахов, чтобы уговорами обращать русинов и белорусов в унию, потому что силою с ними ничего нельзя сделать [4, с. 113]. Папский нунций А. Поссевин рекомендует польскому королю действовать смелее и решительнее в пользу унии, так как другого пути окатоличивания православного населения не существует.

Во время переговоров в Риме об условиях унии И. Пацей и К. Терлецкий пошли на догматические и канонические уступки, на которые их не уполномочили даже единомышленники епископы (*filioque* – причащение под одним видом, учение о чистилище, индульгенции, главенство папы). Тем не менее, из Рима Пацей и Терлецкий пишут Краковскому епископу Юрию Радзивиллу, что православный Символ Веры оставлен неприкосновенным, поэтому для православных нет препятствий, чтобы принять унию. Между тем «в имениях и городах королевских запечатывались церкви, забирались из них облачения; в праздники, отправляемые по старому календарю, силою выгоняли народ из храма, нападали на духовенство; по праздникам не позволяли звонить в колокола». Притеснения православных, описанные в «Апокрисисе», имели место до поездки Пацея и Терлецкого в Рим [2, с. 25–26]. Польский король Владислав IV папскому нунцию в беседе заметил: «Я хорошо знаю историю унии. Она введена насильно, без согласия лучшей части русского населения; ее приняли и ввели некоторые духовные лица, и при том из своекорыстных целей» [2, с. 157].

Один из существенных доводов сторонников унии – низкий образовательный и нравственный уровень православного клира. Это правда, но правда и в том, что польские власти приложили к тому руку, стараясь деморализовать православное духовенство, чему способствовала практика раздачи епархий и епископских кафедр польскими королями. Симония доходила до абсурда, когда кафедры передавались за заслуги мирянам. Сами архиереи были больше озабочены политической борьбой: епископ луцкий Кирилл Терлецкий был недоволен тем, что патриарх Константинопольский Иеремия не возвел его в митрополиты; митрополит Михаил Рогоза обижен тем, что тот же патриарх, не доверяя ему, стеснил его власть, поставив особого экзарха; епископ львовский Балабан недоволен тем, что в его споре с Львовским братством патриарх взял сторону братчиков [3, с. 104]. И все владыки были недовольны вмешательством мирян в дела Церкви, что приводило их к мысли о подчинении папе, благодаря чему можно было бы поднять собственный престиж и ликвидировать восточную соборность.

Поскольку высший клир был деморализован, защита православия легла на плечи мирян, «борьба против унии была, прежде всего, проявлением соборного самосознания церковного народа» [5, с. 41]. Литературно-богословская работа, развернувшаяся благодаря стараниям К. Острожского и А. Курбского, решала аполагетическую задачу. В Литву в XVI в. хлынул поток протестантской литературы. Главным средством арианской пропаганды были так называемые национальные Библии. Перевод Ф. Скорины связан с гуситским движением. Курбский отзывался об этой работе крайне резко, отмечая сходство с «Лютеровой Библией», хотя в действительности перевод был сделан по чешской гуситской Библии 1509 г. с помощью латинских постилл Николая Де-Лиры. Переводили также с польского, таковы переводы социниан (Евангелие В. Тяпинского, С. Будного, Новый Завет В. Негалевского с польского издания М. Чеховича). Чаще это были даже не переводы, а свободное изложение, вольный пересказ. Поэтому Острожская Библия (1580) важна уже тем, что она сознательно и критически обоснована греческим текстом. Национальные Библии не решали проблем национальной самобытности, для этого достаточно светской литературы (прованские трубадуры, Данте, Петрарка, Вийон). К тому же церковно-славянский язык в XVI в. был более понятен, чем современному человеку, и языковых проблем не было.

С самого начала вопрос об унии был вопросом культурного самоопределения, это была проблема ментального самовключения в западную традицию. Уния, сама того не желая, способствовала творческому переосмыслению византизма и патристических преданий. Образованности Запада, которая, по словам афонского инок Иоанна Вишенского, есть результат «машкарного разума», важно было противопоставить духовное делание. Политические реалии таковы, что действовать необходимо было активно и бить противника тем же оружием, то есть необходимо было создавать школы, не уступающие ни протестантским, ни иезуитским по качеству. Но при всех несомненных достоинствах Киево-Могилянской академии, ей не удалось избежать схоластики западного образца и духа провинциализма. Творческий поиск не дал самобытного, развитого богословия, все свелось к философскому ученичеству и начетничеству. По сути, Петр Могила латинизировал систему образования, создавая свою академию в противовес уже существовавшему Братскому Греко-славянскому училищу. С одной стороны, православная церковь, благодаря просветительству, выходила из культурной изоляции, с другой стороны, наблюдалась «латинская псевдоморфоза Православия» [5, с. 51]. Западная православная церковь латинизировалась ради внешней национально-политической борьбы с Римом, но внутренняя духовная свобода была на время потеряна. Преодоление болезненной раздвоенности восточно-славянской ментальности – задача последующих столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воейков, Н. Правда об униатстве / Н. Воейков. – Русский на Афоне Свято-Пантелеймонов монастырь, 1992.
2. Зноско, К., протоиерей. Исторический очерк церковной унии: ее происхождение и характер / К. Зноско. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 1993.
3. Киприанович, Г. Я. Исторический очерк православия, католицизма и унии в Белоруссии и Литве / Г. Я. Киприанович. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 2006.
4. Мартос, Афанасий, архиепископ. Беларусь в истории государственной и церковной жизни / Афанасий Мартос. – Репр. изд. Белорус. Экзархата. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 1990.
5. Флоровский, Г., протоиерей. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Изд-во Белорус. Экзархата, 2006.